КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 44

МОСКВА,
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1913.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ, В. Я. Чемберсомъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ, по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1. Жилье восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
2. Торговля у восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
3. Варяги В. М. Васнецова.
4. Христіанство и язычество С. И. Иванова.
5. Судъ во время Русской Правды И. Я. Билибина.
6. Вѣче А. М. Васнецова.
7. Съѣздъ князей С. В. Иванова.

II. Суздальская Русь.

8. Новгородскій торгъ А. М. Васнецова.
9. Баскаки С. И. Иванова.
10. Дворъ удѣльнаго князя А. М. Васнецова.

III. Московская Русь.

11. Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси С. В. Иванова.
12. Святѣйшій патріархъ С. В. Иванова.
13. Боярская дума С. В. Иванова.
14. Земскій Соборъ С. В. Иванова.
15. Въ приказѣ Московскихъ временъ С. В. Иванова.
16. Судъ въ Московскомъ государствѣ С. В. Иванова.
17. Воевода С. В. Иванова.
18. Смотръ служилыхъ людей С. В. Иванова.
19. На сторожевой границѣ Московскаго государства С. В. Иванова.
20. Стрѣльцы С. В. Иванова.
21. Юрьевъ день С. В. Иванова.
22. Площадь въ городѣ Московскаго времени А. М. Васнецова.
23. Монастырь въ Московской Руси А. М. Васнецова.
24. Школа въ Московской Руси Б. М. Кустодіева.
25. Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ А. М. Васнецова.
26. Въ смутное время С. В. Иванова.
27. Во времена раскола С. В. Иванова.

IV. Всероссійская Русь.

28. Въ нѣмецкой слободѣ А. Н. Бенуа.
29. Солдаты Петра Великаго Д. Н. Кардовскаго.
30. Флотъ Петра Великаго Е. Е. Лансере.
31. Засѣданіе Сената Петровскаго времени Д. Н. Кардовскаго.
32. Петербургъ при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
33. Смотръ новиковъ Д. Н. Кардовскаго.
34. Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
35. Петръ Великій В. А. Сѣрова.
36. Императрица Анна и ея дворъ Д. Н. Кардовскаго.
37. Цесаревна Елисавета у Преображенскихъ казармъ 25 ноября 1741 г. Е. Е. Лансере.
38. Выходъ императрицы Екатерины II А. Н. Бенуа.
39. Въ лагерѣ Екатерининск. солдатъ А. Н. Бенуа.
40. Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена В. Я. Чемберса.
41. Утро помѣщика конца XVIII, нач. XIX вв. А. Н. Бенуа.
42. Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ А. Н. Бенуа.
43. Въ разоренной Москвѣ (1812 г.) Д. Н. Кардовскаго.
44. Въ военномъ поселеніи М. В. Добужинскаго.
45. Оборона Севастополя Д. Н. Кардовскаго.
46. Ученіе солдатъ въ Николаевское время М. В. Добужинскаго.
47. Городъ въ Николаевскія времена М. В. Добужинскаго.
48. Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ Д. Н. Кардовскаго.
49. Люди 40-хъ годовъ М. В. Добужинскаго.
50. Освобожденіе крестьянъ Б. М. Кустодіева.

ДОПОЛНЕНІЕ I. На зарѣ исторіи Н. К. Рериха.

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

Объяснительный текстъ

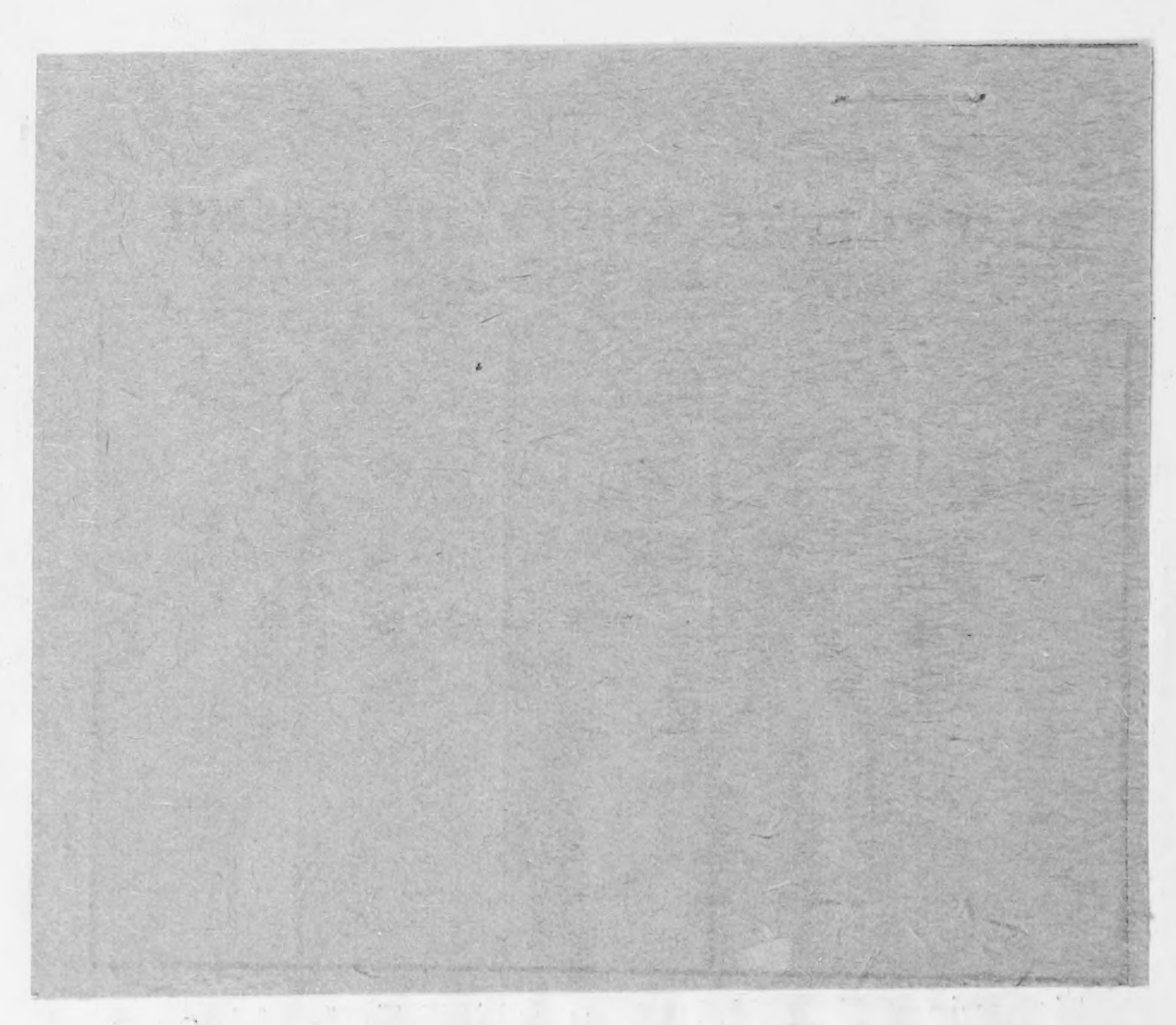
къ картинѣ № 44

М. В. Добужинскій. Военныя поселенія.

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1913.

Т-во СКОРОПЕЧАТНИ А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
Москва, Тверская, Трехпрудный пер., соб. д.
1912.

Военныя поселенія Александровской эпохи.

(Къ картинѣ М. В. Добужинскаго).

Войны начала XIX вѣка очень обострили вопросъ о содержаніи арміи и ея пополненіи. Все возраставшее количество военныхъ силъ ложилось тяжкимъ бременемъ на бюджетъ государства; войны, слѣдовавшія одна за другой, не давали времени для достаточнаго обученія рекрутовъ. Въ поискахъ—какъ бы облегчить населенію отбытіе воинской повинности и уплату налоговъ на содержаніе войска, а съ другой стороны, обезпечить постоянный притокъ въ армію обученныхъ солдатъ, правительство императора Александра I остановилось на мысли объ устройствѣ военныхъ поселеній, т. е. такомъ устройствѣ военныхъ силъ, когда солдатъ, обучаясь военному дѣлу, въ то же время самъ бы содержалъ себя, обрабатывая землю. Эта мысль такъ понравилась императору Александру Павловичу, что онъ рѣшилъ во что бы то ни стало осуществить ее и положилъ много труда и усилій для выработки плана и уставовъ будущихъ военныхъ поселеній. Ближайшимъ помощникомъ государя въ дѣлѣ устройства военныхъ поселеній и исполнителемъ его предначертаній былъ графъ А. А. Аракчеевъ.

Первый опытъ устройства военныхъ поселеній былъ сдѣланъ въ 1810 г., когда генералу Лаврову было повелѣно поселить въ Климовичскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи запасный батальонъ Елецкаго пѣхотнаго полка. Коренные жители названной мѣстности были выселены въ Новороссію, а ихъ земли и домы были переданы новымъ военнымъ поселенцамъ. Назначенный для поселенія батальонъ былъ составленъ изъ лучшихъ нижнихъ чиновъ полка; къ женатымъ солдатамъ выписали ихъ семьи, холостыхъ распредѣлили какъ бы батраками по семейнымъ; на каждую семью были выданы отъ казны земледѣльческія орудія, рабочій скотъ, сѣмена на посѣвъ. Война 1812 года

остановила развитіе могилевскаго поселенія. Елецкій полкъ выступилъ въ походъ, самое поселеніе было разорено во время войны. Послѣ войны Елецкій полкъ былъ, однако, снова поселенъ на этомъ же мѣстѣ; также въ поселенный былъ превращенъ и Полоцкій полкъ.

Съ 1816 года дѣло устройства военныхъ поселеній приняло очень широкіе размѣры. Но на этотъ разъ не только отдѣльные полки арміи селились въ опредѣленныхъ мѣстахъ, но и крестьяне избранныхъ для того мѣстностей переименовывались въ военныхъ поселенцевъ и должны были нести военную службу на ряду съ обработкой своихъ полей. Этотъ новый пріемъ объясняли тѣмъ, что солдаты, отвыкшіе за время службы отъ полевыхъ работъ, оказывались плохими земледѣльцами, и мѣстные крестьяне должны были служить примѣромъ и наставниками для поселенныхъ солдатъ въ ихъ земледѣльческомъ трудѣ. Въ теченіе 1816 и слѣдующихъ трехъ годовъ военныя поселенія были учреждены подъ Петербургомъ, въ Новгородской губерніи, въ Херсонской, Екатеринославской и въ нынѣшней Харьковской. Въ Новгородской губерніи, по рѣкѣ Волхову и близъ Старой Руссы было поселено 18 полковъ пѣхоты, 3 артиллерійскія бригады и 1 саперный батальонъ; въ Могилевской губерніи— 2 полка пѣхоты, въ Харьковской, Екатеринославской и Херсонской 20 полковъ кавалеріи; самое маленькое поселеніе было въ Петербургской губерніи—на три роты служителей Охтенскаго порохового завода.

Въ 1825 году была составлена знаменитымъ М. М. Сперанскимъ, по порученію государя, записка, объяснявшая причины устройства военныхъ поселеній и выгоды, отъ нихъ происходящія. Въ этой запискѣ какъ причину устройства военныхъ поселеній авторъ выдвигаетъ: неудобство рекрутскихъ наборовъ, необходимость разрыва семьи при уходѣ въ солдаты, безпріютность солдатъ въ отставкѣ, вредъ, доставляемый земледѣлію и промышленности наборами, отрывающими отъ производительнаго труда множество молодыхъ силъ и рукъ, наконецъ, трудность для государства содержать многочисленное войско. Какъ выгоды, приносимыя военными поселеніями, указываются: уменьшеніе государственныхъ расходовъ по содержанію арміи, увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ и переходъ этихъ надѣловъ въ собственность крестьянъ при перечисленіи ихъ въ военныхъ поселенцевъ и, наконецъ, то, что солдатъ-поселенецъ не отрывается отъ хозяй-

ства и семьи. Такіе идеалы представлялось возможнымъ достигнуть основателю военныхъ поселеній. Но осуществленная дѣйствительность очень и очень не совпадала съ рисовавшимися воображенію перспективами.

Поселенные полки состояли: пѣхотные — изъ двухъ дѣйствующихъ, одного резервнаго и одного поселеннаго батальоновъ, а кавалерійскіе — изъ 6 дѣйстьующихъ, 3 резервныхъ и 3 поселенныхъ эскадроновъ. Въ поселенныхъ батальонахъ и эскадронахъ въ число хозяевъ назначались мѣстные жители въ возрастѣ отъ 18 до 45 лѣтъ, имѣющіе собственное хозяйство, женатые и безпорочнаго поведенія, а затѣмъ лучшіе нижніе чины даннаго полка, прослужившіе не менѣе 6 лѣтъ, женатые и знающіе земледѣліе. Остальные мѣстные жители, годные къ военной службѣ, но не удовлетворявшіе приведеннымъ требованіямъ, зачислялись, какъ помощники хозяевъ, въ резервные батальоны и эскадроны, или на службу въ дѣйствующія части поселенныхъ полковъ. Поселенные полки должны были стоять въ мирное время въ округахъ своего поселенія, а поселенныя части ихъ не выступали изъ своихъ округовъ и въ военное время.

Дѣйствующія батальоны и эскадроны поселенныхъ войскъ составляли ихъ настоящую военную силу, всегда готовую къ выступленію, а посаженныя на землю являлись вмѣстѣ съ резервными собственно поселенными, кормившими дѣйствующія части, содержавшими ихъ, поставлявшими туда рекрутъ. Дѣйствующія части отбывали только военную службу, посаженныя на землю должны были обрабатывать землю и поддерживать себя путемъ постоянныхъ ученій и упражненій на должной степени военной подготовки.

Военные поселяне освобождались отъ рекрутскихъ наборовъ, государственныхъ и земскихъ повинностей, но за то всѣ способные къ отбыванію воинской службы должны были поступать по достиженіи 18 лѣтъ на службу въ свой полкъ; крестьяне, превращенные въ военныхъ поселянъ, получили форменную одежду, амуницію и ружья; опредѣленное количество солдатъ поселенныхъ полковъ были посажены среди крестьянъ и получили сельскохозяйственныя орудія. Дѣти мужскаго пола съ семилѣтняго возраста зачислялись въ военные кантонисты, получали форменную одежду и обучались въ особыхъ школахъ грамотѣ, Закону Божію, началамъ ариѳметики и ремесламъ;

это обученіе длилось пять лѣтъ; съ 12 до 18 лѣтъ кантонисты должны были помогать родителямъ въ хозяйственныхъ работахъ, при чемъ и ученье въ школѣ и фронту не прерывалось. Кантонисты, неспособные къ строевой службѣ, отдавались съ 12-лѣтняго возраста въ обученіе ремесламъ частнымъ мастерамъ на 5 лѣтъ, а потомъ зачислялись въ полкъ на нестроевыя должности.

Пахотныя земли, принадлежащія округу военнаго поселенія, были раздѣлены поровну между поселянами-хозяевами; для увеличенія площади земли, годной для обработки, предпринимались обширныя оросительныя и осушительныя работы, расчищались лѣса и т. п.; пастбища и луга состояли въ общемъ пользованіи всѣхъ хозяевъ. Всѣ земледѣльческія орудія, всѣ предметы домашняго хозяйства были изготовлены по утвержденнымъ образцамъ и поддерживались въ исправности насчетъ поселенцевъ. Военнымъ поселянамъ внушалось, что фронтовую службу они должны считать столь же важною, какъ и земледѣльческій свой трудъ. Въ поселенныя части назначались лучшіе офицеры, знающіе въ совершенствѣ фронтовую службу и имѣющіе нѣкоторое понятіе о сельскомъ хозяйствѣ, которымъ они должны были руководить у поселенцевъ не менѣе старательно, чѣмъ обученіемъ ихъ фронту. Офицерамъ предлагалось помнить, что «фронтовой солдатъ можетъ быть вмѣстѣ и земледѣльцемъ, что земледѣльческіе труды отнюдь не требуютъ ослабленія приличныхъ воину бодрости и осанки и что нельзя равнымъ образомъ ослабѣть при нихъ и въ воинской экзерциціи, имѣя на повтореніе ея довольно времени безъ всякаго разстройства для хозяйства».

Фронтовое обученіе нижнихъ чиновъ производилось въ поселенныхъ войскахъ круглый годъ, за исключеніемъ 6 недѣль лѣтомъ, съ 1-го іюля по 15-е августа; при обученіи вниманіе обращалось преимущественно на фронтовую выправку, маршировку и ружейные пріемы; стрѣльбѣ совсѣмъ не учили и только три недѣли въ году производились ученія «съ порохомъ», т. е. стрѣляли холостыми зарядами. Поселенныя роты учились до полудня; дѣйствующія — послѣ полудня.

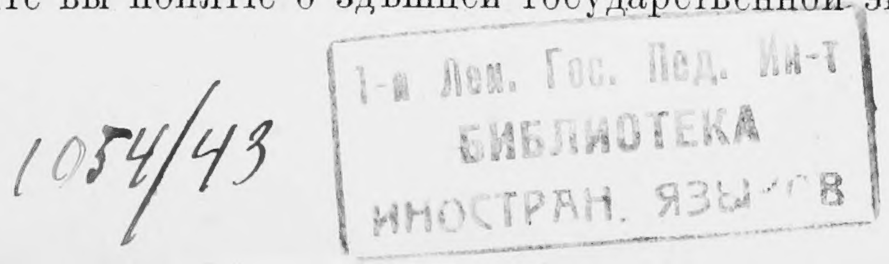
Съ 45-лѣтняго возраста, а также при неспособности къ строевой службѣ по болѣзни или увѣчьямъ, военные поселяне зачислялись въ инвалиды. Инвалиды получали отъ казны жалованье и провіантъ, жили въ особыхъ инвалидныхъ домахъ, были осво-

бождены отъ фронтовыхъ занятій и земледѣльческихъ работъ, но назначались прислугой въ госпитали, сторожами при казенныхъ зданіяхъ и складахъ, въ пастухи и для другихъ хозяйственныхъ надобностей.

Самыя поселенія были всѣ распланированы одинаково. Всѣ избы-домики, построенные чисто и аккуратно, не безъ доли щегольской нарядности, были тоже всѣ одинаковы и въ струнку вытянуты по обѣимъ сторонамъ широкой, великолѣпно шоссированной улицы, обсаженной деревьями, но по этой улицѣ могли ходить только пѣшеходы, а ѣздить только начальствующія лица, поселяне же должны были ѣздить по задней улицѣ; около каждаго дома были выстроены сараи для скота, земледѣльческихъ орудій и хлѣба, тутъ же были сложены запасы дровъ и сѣна; дворы были огорожены прочной изгородью и должны были содержаться въ чрезвычайной чистотѣ.

На окнахъ домиковъ рекомендовалось держать цвѣты, и непремѣнно должны были висѣть чистыя бѣлыя занавѣски. Начальство должно было строжайше наблюдать, чтобы все было чисто, аккуратно, по формѣ, у всѣхъ одинаково, чтобы ничего ни у кого не было лишняго и чтобы весь хозяйственный инвентарь значился въ томъ количествѣ, какъ предуказано въ правилахъ. Улицы поселеній обсаживались деревьями; въ каждомъ поселеніи были бульвары, госпитали, богадѣльни, заемные банки, образцовыя бани. «Надобно признать,—говоритъ одинъ изъ бывшихъ начальниковъ поселенныхъ войскъ, о подвѣдомственномъ ему поселеніи,—что въ этомъ поселеніи все придумано ко благу человѣка: повивальныя бабки, родильные пріюты, ванны, носилки».

Но жилось въ этихъ благоустроенныхъ домахъ поселенцамъ-крестьянамъ нелегко. Все было разсчитано на то, чтобы глазъ посѣтителя со стороны могъ восхищаться наружнымъ порядкомъ. Съ виду, со стороны, все казалось прекрасно и превосходно, только бы жить да радоваться, «но,—пишетъ современникъ,—представьте себѣ огромный домъ съ мезониномъ, въ которомъ мерзнутъ люди и пища; представьте, что и корова содержится какъ ружье, а кормъ въ полѣ получается за 12 верстъ, что капитальные лѣса сожжены, а на строеніе надо покупать далеко при условіи тягостнѣйшей доставки, что для сохраненія одного деревца употреблена сажень дровъ для обстановки его клѣткою— и тогда получите вы понятіе о здѣшней государственной эконо-

міи. Но при этомъ не забудьте, что поселянинъ имѣетъ землю по названію, а общій его образъ жизни — ученье и ружье; что онъ, жена и дѣти, съ грудного ребенка получаютъ провіантъ и что все это пріобрѣтено милліонами казны. При томъ, отъ худого расчета, или оттого, что корова въ два оборота дѣлаетъ въ день по 28 верстъ для пастбища,—опредѣлительно падало всякій годъ отъ 1000 до 2000 коровъ въ полку, чѣмъ лишали себя назема и хлѣбородія, а казна всякій годъ покупала новыхъ коровъ...»

При устройствѣ селеній уничтожались всѣ препятствія, которыя могли бы помѣшать однообразію ихъ внѣшней распланировки. Для этого не щадились ни трудъ, ни привычки жителей, ни ихъ собственность. Крестьянскія избы ломали, выравнивая линію построекъ. Всѣ не-крестьяне должны были покинуть мѣстности, отводимыя подъ военныя поселенія. Такъ многіе жители Чугуева, имѣвшіе тамъ дома, сады, лавки, огороды, должны были переселиться въ другіе города, когда въ Чугуевѣ стали устраивать военное поселеніе. Въ цѣляхъ красоты и единообразія внѣшней распланировки, подъ поселенія часто отводились земли неудобныя для земледѣлія. Приходилось класть множество труда на расчистку зарослей и осушеніе болотъ. Случалось, что селили людей, не сообразуясь, можетъ ли данный участокъ земли прокормить поселенцевъ; надѣлы оказывались часто очень удаленными отъ мѣста поселенія.

Жители военныхъ поселеній были подчинены военнымъ законамъ. Общее управленіе военными поселенцами было вручено гр. А. А. Аракчееву, какъ главному начальнику военныхъ поселеній. Округомъ поселенія каждаго полка завѣдывалъ полковой командиръ; онъ же предсѣдательствовалъ въ комитетѣ полкового управленія, въ составъ котораго входили: командиръ поселеннаго баталiона, священникъ, 4 командира поселенныхъ ротъ, квартирмейстеры и казначей; при комитетѣ состоялъ дежурный офицеръ, «для экстренныхъ осмотровъ, понужденій и производства слѣдствій». При комитетѣ была канцелярія, которой завѣдывалъ полковой аудиторъ. Комитетъ полкового управленія собирался разъ въ недѣлю и велъ всѣ дѣла по хозяйственному устройству округа. На обязанности комитета лежали заботы объ обезпеченіи продовольствія поселенныхъ войскъ средствами военныхъ поселянъ; поэтому онъ долженъ былъ заботиться о хлѣбопашествѣ въ округѣ, наблюдать за своевременною и надлежащею

обработкой полей, стараться увеличивать количество пахотной земли, заботиться объ улучшеніи породы скота и объ увеличеніи его количества; комитетъ выдавалъ пособія нуждавшимся поселянамъ какъ денежныя, такъ и натурой изъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, распоряжался обработкой общественнымъ нарядомъ участковъ тѣхъ поселянъ, которые по болѣзни не могли заниматься полевыми работами; комитетъ заботился о бережевіи здоровья военныхъ поселянъ и наблюдалъ за ихъ поведеніемъ, «одобряя публичной благодарностью и уваженіемъ» хорошихъ и исправныхъ хозяевъ, назначалъ опеку надъ нерадивыми, могъ даже лишать ихъ въ случаѣ неисправности положенія хозяевъ; отъ комитета зависѣло разрѣшеніе поселянамъ отлучекъ въ сосѣднія губерніи и вступленіе въ бракъ; здѣсь разбирались взаимныя жалобы поселянъ и сосѣднихъ жителей по дѣламъ о личныхъ обидахъ и по несогласіямъ въ хозяйственныхъ отношеніяхъ и т. п.

Командиръ поселеннаго батальона былъ одновременно и военнымъ начальникомъ поселенцевъ, и хозяиномъ округа, и главнымъ его полицеймейстеромъ. Ближайшее наблюденіе за военными поселянами лежало на особыхъ унтеръ-офицерахъ, которые получали за это особое жалованье и были освобождены отъ полевыхъ работъ. Для разбора всякихъ дѣлъ и ссоръ, возникавшихъ у поселенцевъ, въ каждой ротѣ былъ учрежденъ ротный комитетъ изъ одного унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ, назначавшихся ротнымъ командиромъ изъ выбранныхъ хозяевами кандидатовъ. Жаловаться на рѣшенія этого комитета можно было ротному командиру. На рѣшеніе ротнаго командира можно было принести жалобу въ комитетъ полкового управленія. Если жалоба оказывалась необстоятельной, то жалобщика штрафовали, удерживая его мѣсячное жалованье.

Вся жизнь военнаго поселенца оказывалась, такимъ образомъ, строго регламентированной, и самъ онъ былъ отданъ въ полную власть и распоряженіе начальства. «Крестьяне,— пишетъ одинъ офицеръ поселенныхъ войскъ про подчиненную ему часть,—вышли изъ всякой зависимости отъ гражданскаго начальства: я творилъ судъ и расправу».

Эта зависимость во многомъ сводила на нѣтъ то благополучіе, которое такъ пышно разрисовано въ правилахъ и уставахъ жизни военныхъ поселеній. Такъ, земля и движимое имущество по правиламъ считались полной собствен-

ностью того поселенца, которому были опредѣлены, но поселенецъ долженъ былъ считаться у начальства въ хорошемъ поведеніи и непремѣнно быть женатымъ, иначе батальонный командиръ могъ отнять у поселенца и землю и имущество. Въ «Положеніи» было сказано, что «брачные союзы въ округахъ военнаго поселенія совершаются не иначе, какъ по обоюдному, непринужденному добровольному на то согласію жениха и невѣсты», а на практикѣ военно-поселенное начальство, стремясь развести какъ можно больше отдѣльныхъ хозяйствъ, совсѣмъ не считалось въ вопросѣ браковъ поселенцевъ со склонностями и желаніями отдѣльныхъ лицъ и поступало скорѣе и проще: обыкновенно, составлялись въ ротахъ списки всѣмъ, кому пришла пора жениться и выходить замужъ. Въ назначенный день собирали тѣхъ и другихъ, опускали въ одну шапку свернутые билетики съ именами жениховъ, а въ другую съ именами невѣстъ и доставали по очереди изъ каждой шапки по билетику—эта лоттерея и опредѣляла супружескія пары, указывая кому съ кѣмъ быть связаннымъ на всю жизнь, на горе и на радость, семейными узами. Поселенные унтеръ-офицеры должны были два раза въ день обходить дома своихъ десятковъ, осматривать помѣщенія и отвѣчать за чистоту, особенно слѣдить съ достаточной ли осторожностью обходятся бабы съ огнемъ, но слѣдили и за тѣмъ—налито ли опредѣленное количество молока въ рожки для грудныхъ дѣтей! Обо всемъ замѣченномъ они должны были доносить по начальству, а начальство было обязано строго взыскивать съ неисправныхъ, сажая ихъ подъ арестъ, штрафуя вычетами изъ жалованья, а болѣе всего налагая наказанія розгами и шпицрутенами....

Мелочная регламентація всѣхъ подробностей обыденной жизни оставляла военныхъ поселянъ подъ вѣчнымъ страхомъ отвѣтственности; основанная на побояхъ и тѣлесныхъ наказаніяхъ, когда истреблялись цѣлые возы розогъ и шпицрутеновъ, система обученія фронту, изнуряла и забивала военныхъ поселянъ, калѣча и дѣлая неспособными и къ военной службѣ и къ земледѣльческому труду.

Военные поселяне работали безъ устали, оставаясь цѣлыми днями подъ надзоромъ начальства; на сельско-хозяйственныя работы шли шеренгами, въ ногу подъ барабанъ, чтобы попутно практиковаться въ маршировкѣ, по командѣ сѣяли и косили и, дѣлая съ военной ухваткой такое мирное дѣло, какъ крестьянская работа, дѣлали его, конечно, плохо; а съ

другой стороны, утомленные тяжелымъ трудомъ невольно оказывались плохими фронтовиками и солдатами. Всѣ земледѣльческія работы начинались и производились по приказамъ и командѣ начальства, а такъ какъ многіе начальники оказывались совсѣмъ несвѣдущими или мало свѣдущими въ сельскомъ хозяйствѣ и главное вниманіе обращали на фронтовое обученіе, то часто полевыя работы начинались несвоевременно, отчего хлѣбъ осыпался на корню, сѣно гнило отъ дождей.

Въ больницахъ полы были какъ паркетные, но больные не смѣли и прикоснуться къ нимъ, чтобы не замарать. По правиламъ поселяне принуждены были работать на казну четыре дня въ недѣлю и съ трудомъ могли прокормиться сами, а отъ нихъ еще требовали кормить трехъ или четырехъ постояльцевъ изъ дѣйствующихъ батальоновъ и эскадроновъ. По правиламъ начальствующимъ лицамъ полагалось быть «нрава кроткаго, справедливыми и человѣколюбивыми», а на дѣлѣ, конечно, люди оставались, какими были до поступленія въ офицерскій корпусъ военныхъ поселеній, и за немногими исключеніями были далеки отъ тѣхъ идеаловъ, которыми имъ предписывалось быть.

Безотчетные на мѣстахъ хозяева и распорядители какъ службой, такъ и земледѣльческимъ дѣломъ своихъ подчиненныхъ, низшіе начальники до очень крупныхъ включительно позволяли себѣ большія злоупотребленія властью въ цѣляхъ личной наживы. Аракчеевъ строго каралъ виновныхъ, но многое до него просто не доходило, а отвѣчала за все своей спиной и карманомъ вся масса военнопоселенныхъ войскъ.

И самъ Аракчеевъ, большой любитель внѣшняго лоска и благоустройства, во многомъ пріучилъ своихъ подчиненныхъ къ тому, чтобы главнымъ образомъ и прежде всего все было гладко съ виду. И съ виду все казалось хорошо: дома были опрятны, улицы чисты и даже освѣщались по ночамъ фонарями; въ отчетахъ, конечно, подчеркивалось, что крестьяне съ особенною охотой подчиняются своему военному начальству, шутя выучиваются всему и вполнѣ благоденствуютъ, а когда императоръ Александръ Павловичъ объѣзжалъ военныя поселенія, ему, несмотря на строгое взысканіе за подачу прошеній государю, эти прошенія подавались въ значительномъ количествѣ, и въ нихъ военные поселяне слезно просили государя «избавить православный народъ отъ Аракчеева».

Но и въ отчетахъ скоро стало невозможнымъ скрывать, что продовольствіе поселенныхъ войскъ оказалось возможнымъ возложить на попеченіе поселянъ только въ южныхъ поселеніяхъ, а пополненіе арміи обезпечивалось военными поселеніями недостаточно, такъ какъ въ нѣкоторыхъ округахъ число умиравшихъ превышало число рождающихся.

Тягостнымъ условіямъ жизни многіе изъ военныхъ поселенцевъ предпочитали насильственную смерть. Во все время существованія военныхъ поселеній, въ числѣ «происшествій» больше всего значилось самоубійствъ, о которыхъ въ донесеніяхъ чаще всего говорилось, какъ о происшедшихъ «по неизвѣстной причинѣ». Но были иногда и оставленныя передъ смертью записки, въ одной изъ которыхъ было сказано, что причиною къ самоубійству послужила—«невыносимость здѣшней (т.-е. въ поселеніи) жизни». Большое число утопленниковъ просто не считались самоубійствами,—имъ приписывалась обыкновенно «неосторожность». Приходилось говорить о застрѣлившихся: причину смерти относили къ умопомѣшательству; снятаго съ петли обвиняли «въ пьянствѣ»...

Общія тягостныя условія существованія въ военныхъ поселеніяхъ, создавая постоянное недовольство поселянъ ихъ бытомъ, скоро превратили глухой ропотъ этого недовольства въ довольно серіозныя по настроенію и размѣрамъ массовыя волненія и безпорядки. Не считая нѣсколькихъ волненій при самомъ переименованіи нѣкоторыхъ волостей въ военныя поселенія, стоитъ отмѣтить два по ихъ мотивамъ и исходу. Въ 1818 году ожидался проѣздъ императора Александра Павловича черезъ округа военнаго поселенія Бугской дивизіи. Управленіе округа, имѣя въ виду выставить на показъ одну лучшую сторону военныхъ поселеній: хорошія дороги, правильность и чистоту новыхъ построекъ, прямизну улицъ въ селеніяхъ, опрятность одежды крестьянъ, подстриженныхъ и подтянутыхъ на военный образецъ, очень заботилось, чтобы скрыть отъ государя всѣ недочеты, а главное—недовольство военныхъ поселянъ ихъ бытомъ, поэтому было сдѣлано распоряженіе, чтобы военные поселяне не смѣли подавать государю никакихъ просьбъ, не дѣлали бы никакихъ встрѣчъ и даже не подносили бы хлѣба-соли. Поселенцы заволновались, а въ одномъ поселеніи даже побили офицеровъ и отказались повиноваться. По этому дѣлу 30 человѣкъ отдано было подъ судъ, по рѣшенію котораго шесть

человѣкъ были приговорены къ прогнанію сквозь строй черезъ 1000 человѣкъ по три раза; двое—черезъ 500 человѣкъ по одному разу, трое къ ссылкѣ въ сибирскіе полки. Гр. Аракчеевъ смягчилъ этотъ приговоръ, отмѣнивъ шпицрутены.

Въ іюлѣ 1819 года военные поселяне чугуевскаго уланскаго полка отказались косить казенное сѣно для полковыхъ лошадей, ссылаясь на то, что у нихъ не остается времени на свое хозяйство. Чугуевцевъ поддержалъ и таганрогскій уланскій полкъ. Никакія увѣщанія со стороны начальства не помогали. «Не хотимъ военнаго поселенія,—кричали бунтующіе единогласно, съ женщинами и дѣтьми.—Не хотимъ военнаго поселенія, оно не что иное какъ служба графу Аракчееву, а не государю. Аракчееву же скажите, что мы приняли непремѣнно рѣшительныя мѣры истребить его и знаемъ навѣрное, что съ концомъ его разрушатся и военныя поселенія. По этому дѣлу было арестовано около 2000 человѣкъ, изъ которыхъ 313 были отданы подъ судъ. Военный судъ приговорилъ 275 человѣкъ «къ лишенію живота».

Гр. Аракчеевъ отмѣнилъ предполагавшуюся бойню, утвердивъ подвергнуть виновныхъ наказанію шпицрутенами «каждаго черезъ тысячу человѣкъ по 12 разъ», т. е. мгновенную смерть замѣнилъ жесточайшимъ истязаніемъ, которое навѣрное никто бы не вынесъ. Наказаніе велѣно было начать съ 40 считавшихся наиболѣе виновными, «въ число коихъ,—доносилъ Аракчеевъ государю,—я включилъ всѣхъ унтеръ-офицеровъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ и тѣхъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, которые до учрежденія военнаго поселенія, были въ городѣ Чугуевѣ управляющими дѣлами, и коихъ дѣйствія въ бунтующемъ народѣ имѣли важное вліяніе». Страшная экзекуція была произведена 18-го августа въ Чугуевѣ, куда были собраны всѣ арестованные При этомъ была доказана и полная безполезность подобнаго звѣрскаго наказанія. Вотъ что пишетъ гр. Аракчеевъ императору въ письмѣ отъ 24-го августа. «Ожесточеніе преступниковъ было до такой степени, что изъ сорока человѣкъ только трое, раскаявшись въ своемъ преступленіи, просили помилованія — они на мѣстѣ же прощены; а прочіе 37 человѣкъ наказаны», — потому что не хотѣли быть прощенными и многіе изъ нихъ умерли подъ палками, не прося пощады. Но сіе наказаніе не подѣйствовало на остальныхъ арестантовъ при ономъ бывшихъ,—пишетъ далѣе Аракчеевъ,—хотя оно было строго и примѣрно. По окончаніи сего наказа-

нія спрошены были всѣ ненаказанные арестанты, каются ли они въ своемъ преступленіи, и прекратятъ ли свое буйство? Но какъ они единогласно сіе отвергли, то»... и начались новыя истязанія.

Въ 1831 году, уже въ царствованіе императора Николая Павловича, разразились страшныя волненія въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, когда поселенцы мучили и истязали своихъ офицеровъ и покорились только послѣ долгихъ усилій начальства.

Императоръ Николай Павловичъ имѣлъ возможность убѣдиться, что военныя поселенія совершенно не оправдываютъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагалъ на нихъ его покойный братъ. При слѣдствіи о событіяхъ, связанныхъ съ днемъ 14 декабря 1825 года, оказалось, что «декабристы» основывали успѣхъ своего предпріятія между прочимъ и на возможности возмутить и поднять военныя поселенія, гдѣ все было полно затаеннаго недовольства. Поэтому военныя поселенія далеко не пользовались расположеніемъ новаго императора и были осуждены на расформированіе. Это расформированіе началось съ 1836 года, а закончено въ 1857 году, когда военныя поселенія были упразднены и переданы въ управленіе министерства государственныхъ имуществъ. Невольные солдаты, жители этихъ поселеній, стали снова крестьянами.

Военныя поселенія Александровской поры представляютъ собой то крайнее выраженіе реакціи, которая стала проводиться въ русскую жизнь правительствомъ Александра Павловича съ 1815 года, когда государь, занятый главнымъ образомъ внѣшними дѣлами, довѣрилъ почти все управленіе имперіей гр. А. А. Аракчееву, именемъ котораго — аракчеевщина — и называется обыкновенно эпоха его господства. Съ именемъ Аракчеева связывается обыкновенно и тяжелая память о военныхъ поселеніяхъ. Онъ былъ ихъ главнымъ начальникомъ, но созданы они были не по его почину, Аракчеевъ былъ даже противъ устройства военныхъ поселеній. Но когда государь захотѣлъ, чтобы военныя поселенія были устроены во что бы то ни стало, Аракчеевъ со всей присущей ему суровой исполнительностью взялся за осуществленіе дѣла, которому не сочувствовалъ, и исполнилъ его такъ, какъ мы видѣли. И въ его дѣятельности именно по военнымъ поселеніямъ, гдѣ онъ былъ полный распорядитель и устроитель всего, со всей полнотой и отразилась вся та тьма, весь тотъ ужасъ, который покрылъ тогда всю Россію: военныя

поселенія, обстановка ихъ, бытъ и устройство казались Аракчееву образцомъ, въ рамки котораго слѣдовало вогнать жизнь и бытъ Россіи.

Пособіемъ служили: ***Петровъ***, Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія; Воспоминанія *фонъ-Брадке*, ***Граббе***, ***Эйлера***; «Великая реформа», т. II, ст. *А. С. Лыкошина*, «Военныя поселенія» и др.

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ*, *предкахъ русскаго народа*, *объ ихъ торговлѣ*, *о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси*, *о судѣ*, *объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія,приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*" и „*Дворъ удѣльнаго князя*".

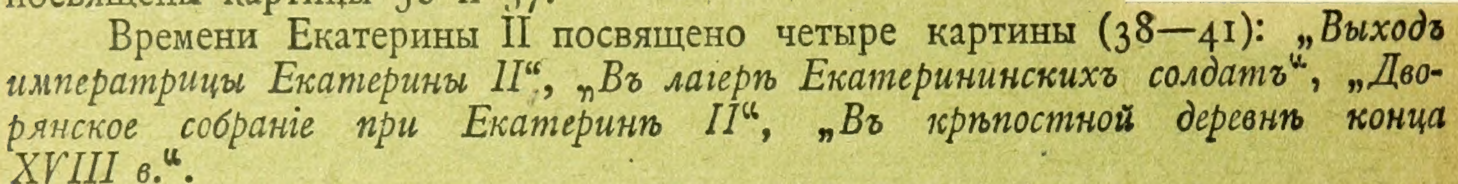
Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ" государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*" и „*Расколъ церкви*". Картина 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ—взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великого, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всеросійсской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ, д
ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и указы
реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуем
какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фавори
посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): „*Выходъ императрицы Екатерины II*“, „*Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ*“, „*Дворянское собраніе при Екатеринѣ II*“, „*Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.*“.

Картина (42) „*Вахтпарадъ императора Павла I*“ характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), „*Декабристы*“, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46 — „*Ученье рекрутъ въ Николаевское время*“.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая „*Городъ Николаевскихъ временъ*“, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина „*Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ*“ (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ, съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) „*Люди 40-хъ годовъ*“.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

1494

Т-во скоропеч. А. А. Левенсонъ, Москва